

Третья сила

Когда столкнулись две диктатуры, нацистская и коммунистическая, большинство «реальных политиков» считало, что судьба России зависит только от столкновения этих двух сил. Но именно тогда появился лозунг: «ни тех, ни других, — хотим своих!» и понятие о «третьей силе», представляющей подлинную волю народа, враждебного красной, коричневой и любой другой диктатуре.

Когда рухнул нацизм, западный мир третьей силы поначалу вовсе не заметил (или еще хуже — принял коммунистов за выразителей народной воли). Между тем она растет из года в год не только в России, а во всех странах, захваченных коммунизмом и сегодня в мире снова три силы: силы коммунистические, силы западной демократии (которые в одном полушарии воюют, в другом торгуют с коммунистами), и все та же — третья — сила, рожденная непреодолимым стремлением человека к свободе.

К демократическому Западу сторонники этой силы с самого начала относились с симпатией и большим доверием. Запад уже одним своим существованием помогает им и служит примером того, что жизнь можно устроить на принципах демократии лучше, чем на коммунистических принципах. Кроме того, люди эти считали само собою разумеющимся, что Запад им поможет освободиться от диктатуры, так как им казалось естественным, что свободный человек будет помогать несвободному, но жаждущему свободы.

Однако Запад предпочел придерживаться так называемой реальной политики, то-есть иметь дело с теми, кто сильнее и, хотя и не скрывал своих симпатий к третьей силе и оплакивал ее поражения во время Берлинского восстания, Венгерской революции, удивленно ахал, что даже русские, «которые ничего, кроме диктатуры, не видели», бастуют и восстают, — но если и оказывал ей помощь, то минимальную, чаще не оказывал никакой, а иногда совершал поступки, которые иначе, чем предательство свободы нельзя квалифицировать.

Третьей силе пришлось в одиночку противостоять диктатуре и нести потери, которые были бы меньшими, если бы Запад ей помогал. Сегодня третья сила — уже не горстка борцов, сегодня она потрясает основы коммунистической системы. Народ потерял страх. Свидетельств это-

му нет числа. Свидетельствует об этом и новая антикоммунистическая демонстрация молодежи в Праге 1-го мая и документы московских священников, помещенные в прошлом и в сегодняшнем номере «Посева», свидетельствует помещаемая ниже статья восстающего против однопартийной системы хорошо известного нашим читателям молодого югославского ученого Михайла Михайлова, которую он разослал в редакции югославских газет. «Следует знать, что сегодня на сцену общественной жизни выходит молодое поколение, которое, в отличие от старого, не боится ничего на свете и которое будет открыто говорить то, что думает, и делать то, что считает справедливым», — пишет М. Михайлов.

Третья сила и сегодня еще нуждается в помощи и, что не менее важно, в дружбе Запада. И эта помощь для Запада может оказаться не только помощью, но и завтрашним его оправданием.

Джилас и сегодняшняя Югославия

Михайло Михайлов

«Лучшее свидетельство подлинной любви к свободе в каждой стране — это положение, в которое там поставлены находящиеся в меньшинстве группировки».

Т. Рузвельт. 1910 г.

Милован Джилас! Что представляет собой это имя для нас в Югославии?

Джилас! Что говорит имя этого человека молодой Югославии: поколению тридцатых и сороковых годов, которое завтра уже будет решать судьбу страны, в которой живет?

Что знают о нем молодые коммунисты, что думают о нем интеллектуалы и простые люди в нашей стране? Верно ли, — как это пытается изобразить официальная югославская власть, — что вопросом Джиласа никто в Югославии серьезно не интересуется, кроме малого количества фанатиков. Что судьба Милована Джиласа не представляет интереса для жизни страны?

Что знает и думает молодая Югославия о человеке, который в то время, когда я пишу эти строки и когда вы их читаете, находится в камере самой известной югославской тюрьмы в Сремской Митровице?

В то время, как на Западе имя Джиласа упоминается часто, в то время, как его книги переводятся на много языков и читаются на всех широтах, на его родине и во всей той части света, где господствует так называемый «социалистический» строй, вот уже около пятнадцати лет ни в одной газете, журнале или книге, ни в одном открытом выступлении или радиопередаче, — никогда, никогда, никогда не упоминается даже сам факт существования человека, который в свое время был одним из самых выдающихся лидеров коммунистического движения в юго-восточной Европе.

В Югославии, стране наиболее демократической из всех так называемых «социалистических» государств, в стране, где возможно говорить и писать о социализме, СССР, о Марксе, о сталинизме гораздо свободнее, чем в любой из стран «народной демократии» — в этой стране есть один неизменный больной невралгический пункт, касаться которого чрезвычайно опасно. Это Джилас, «джиласовщина».

Потому-что мы, еще не опрокинув диктатуру, думаем уже о завтрашнем дне. Мы не хотели бы, чтобы горечь сегодняшних ошибок омрачила этот завтрашний день. Мы не хотели бы, чтобы новое поколение освободившихся от диктатуры народов бросило заслуженный упрек западным политикам: «вы до последнего дня жали руки нашим тюремщикам». Нам не хотелось бы, чтобы новое поколение Запада в какой-то момент насмеялось над своими отцами: «вы имели дело с банкротами, живыми трупами, воевали с бумажными тиграми и называли это занятие — реальная политика!» Мы не хотим верить в слова русского писателя В. Розанова, сказавшего, что «Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния». Мы не хотим верить в этот паралич, потому что европейская цивилизация это и наша цивилизация.

А что касается реальной политики, то мы хотим сказать ее сторонникам: реальная политика прежде всего означает, — думать о завтрашнем дне!

Имя М. Джиласа в Югославии открыто никогда и нигде не упоминается. Из документальных фильмов о борьбе против фашизма вырезают кадры, где он показан. В напечатанных историях народно-освободительной борьбы, в анналах послевоенного периода жизни страны, периода героического 1948 года, — также нет ни слова о существовании человека, бывшего в течение многих лет одним из легендарных партийных вождей. И так продолжается пятнадцать лет.

И все же, вопреки тотальному официальному умалчиванию, нет человека, который до такой степени присутствовал бы в жизни каждого гражданина новой Югославии, как заключенный из Сремской Митровицы.

Сейчас, когда Югославия, как и весь «социалистический» мир, находится накануне крупных и бурных исторических перемен, — нет такого дома в нашей стране, где каждый вечер, в каждом хоть немного серьезном разговоре, всюду, в любом месте, в Белграде и Загребе, Любляне и Скопье, Сараеве и Титограде, в среде профессоров университета или в кабачке для рабочих, — нет такого места, где не упоминали бы имя Милована Джиласа.

Джилас! Отношение к этому человеку сегодня делит нас, людей в Югославии, на два фронта. За и — против!

Широкие массы населения, студенты, молодые члены партии, только что получившие диплом врачи, инженеры, преподаватели и экономисты, — все те, кто во время «дела Джиласа» еще сидел на школьных скамьях, знают о нем следующее: Джилас черногорец; ему только 55 лет; он революционер с довоенных времен и убежденный коммунист; интеллектуал и поэт-модернист; во время войны один из наиболее популярных руководителей партизанского движения и выдающийся партийный теоретик; до осуждения — вице-президент Югославии, человек, никогда ничем себя не скомпрометировавший; его несколько раз судили и осуждали на каторгу де-факто по политическим причинам, потому что он первый и почти в одиночку открыто и смело выступал против мертвящей монополии Союза коммунистов Югославии в социально-политической жизни страны, де-юре

ОТ РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА

В воскресенье 22 мая в 3 часа дня в Нью-Йорке в помещении «Modern Room», Belmont Plaza Hotel (Lexington avenue and 49-th street East)

состоится **ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ** читателей и друзей

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ПОСЕВ» на общую тему:

«РОССИЯ И СУДЬБЫ СВОБОДЫ» (власть, партия, общество, народ и внешний мир). В повестке дня — следующие выступления: Вступительное слово — К. В. Болдырев; «Власть и внешний мир» — В. Д. Поремский; председатель Народно-Трудового Союза; «Общество и власть» — А. Н. Артемов, главный редактор еженедельника «Посев»; «Революционное движение и власть» Л. А. Пар, член, ред. коллегии еженедельника «Посев».

Вход свободный.

В пятницу 27 мая — доклады:

В. Д. Поремского в Бостоне, А. Н. Артемова в Филадельфии (19-21 чч.).

В понедельник 30 мая — доклады:

В. Д. Поремского в Хартфорде (16.00), А. Н. Артемова в Вашингтоне (15.30).

же — за нарушение каких-то законных формальностей в связи с опубликованием воспоминаний «Разговоры со Сталиным». Молодое поколение Югославии отлично знает, что Джилас был судим и осужден на закрытом для общественности процессе и что тогда, во время последнего суда в югославской печати, появились краткие сообщения о том, что бывший вице-президент правительства Милован Джилас осужден, но что такое событие «не интересует наше общество». И это все.

Несмотря на то, что как раз наше общество, как раз наша страна в те дни ничем другим, кроме процесса Джиласа не интересовалась, никто не мог открыто говорить и писать об этом событии, возбудившем весь народ, так как все средства информации находятся в руках единственной существующей партии, — то есть, в руках нескольких людей из Центрального Комитета. Будущие историки не смогут ничего узнать о жизни и интересах людей в так называемом «социалистическом обществе», если свои суждения будут основывать на печатном слове нашей эпохи. Если они захотят получить реальное представление о жизни народа, они должны будут учесть факт шизофрении всего общественного организма при тоталитарных системах, раздвоение подлинной жизни, мысли, чувств, познания и той псевдожизни, которую было разрешено показать открыто. Да, любой тоталитаризм, любая однопартийная система есть вид шизофрении общества. И все увеличивается число людей, которые начинают понимать, что молчать о том, что думаешь и чувствуешь — в каком бы противоречии с официально признанными положениями это ни находилось — не только болезненно, но и постыдно, потому что быть рабом настолько же постыдно, как быть палачом.

В народе имя Джиласа связано с понятием «нового класса», то есть правящей партийной олигархии, связано с названием его наиболее важной книги, которую, правда, читало небольшое число людей в Югославии, но о которой всегда и повсюду говорят и сущность которой чувствуют уже по самому ее названию. В народе также глубоко укоренено сознание, что Джилас никогда не сделал ничего антисоциалистического и противозаконного, — как де-юре и эта моя статья не находится в противоречии с югославскими законами, гарантирующими права граждан, — Джилас не выступил ни против социализма, ни против конституции и закона, наоборот, он выступил с требованием уважать конституционные нормы, гарантирующие свободу действий всех общественно-политических организаций, даже открыто оппозиционных по отношению к Союзу коммунистов, если они не антисоциалистические, не шовинистические и не занимаются поджиганием войны. Нигде в югославской конституции не поставлен знак равенства между понятиями социализма и однопартийности. И всем ясно, что сегодня в Югославии как раз Союз коммунистов нарушает конституцию и закон, поскольку он всеми средствами пытается удержать свое неестественное монопольное положение в общественно-политической жизни страны. Людям в Югославии досконально известно, против чего выступил Джилас, и разделение — за и против как раз проходит по черте, разграничивающей демократический социализм от социализма однопартийного, тоталитарного.

А поскольку Югославия сегодня как раз находится на том распутье, от которого ведут две дороги — в демократию большого стиля, какой может быть еще не было в истории, или в новый сталинизм, на этот раз намного более коварный и жестокий, чем тот, против которого в 1948 году первой восстала Югославия, — поскольку Джилас (хотя он и в одиночной камере) — человек, который был на этом распутье и вынес решение еще пятнадцать лет тому назад — неминуемо и ежечасно присутствует в жизни нашей страны. Каждое событие в политической, культурной или экономической жизни Югославии обыкновенно сопровождается комментарием: «Об этом еще Джилас говорил...» Любое сведение, которое иностранная печать или радио о нем сообщает, пересказывается месяцами.

Время от времени возникают слухи, что он выпущен на свободу, что его видели там-то и там-то. Иногда — слухи, что его в тюрьме пытаются отравить.*)

Авторитет Джиласа сегодня в Югославии огромен. На молодежь, в том числе на многочисленных молодых членов партии, производит особенное впечатление его чистое революционное прошлое, его смелость и бескомпромиссность, его нынешние страдания за идею. Большинство некоммунистов ощущает большие симпатии к Джиласу уже потому, что считает, что он единственный, кто сознал и искупил грехи коммунистического фанатизма времен первых послевоенных лет, лет так называемой «диктатуры пролетариата», грехи, вина за которые во многом лежат и на нем самом. И уже сегодня Джилас каким-то образом стал легендой. В особенности в среде молодежи. А следует знать, что сегодня на сцену общественной жизни выходит молодое поколение, которое, в отличие от старшего, не боится ничего на свете и которое будет открыто говорить то, что думает, и делать то, что считает справедливым.

Вопрос Джиласа это не проблема более или менее безвинно осужденного человека, — это проблема социального и общественного здоровья социалистической Югославии, а значит и всего социалистического мира.

В данный исторический момент в Югославии затишье. Власть избегает какой бы то ни было политической авантюры, потому что сознает, что это бы только помешало сохранению существующего положения и идет на максимальные уступки, если только дело не касается основного и важнейшего — вопроса ликвидации однопартийности и создания открыто оппозиционного печатного органа, к чему готовы многочисленные интеллектуальные силы в стране. То есть пока дело не касается Джиласа.

Больше того, югославская власть пытается показать миру, что ведет страну в «джиласизм» без Джиласа.

Между тем, это сознательный обман.

Джилас прежде всего означает — требование уважать конституцию и законы, которые разрешают свободную и организованную деятельность людей, ни в коем случае не стоящих на идейных позициях Союза коммунистов, хотя и глубоко социалистически ориентированных.

Джилас — это прежде всего означает демократический, а не однопартийный социализм. Именно поэтому, сколько бы югославский Союз коммунистов в настоящее время ни проводил либерализацию в экономическом, культурном и религиозном планах, — нет и не может быть «джиласовщины» до тех пор, пока мы, открытые идейные противники любого вида однопартийной системы (а нас с каждым днем все больше), мы — демократические социалисты, не имеем возможности легальной и организованной общественно-политической деятельности. До тех пор и югославское рабочее самоуправление будет только маской, за которой скрывается тоталитарная власть одной единственной существующей партии — Союза коммунистов Югославии.

До тех пор, пока не будет соблюдаться Декларация прав человека и гражданина Организации Объединенных Наций, которую подписала и Югославия, и югославская конституция и закон, до тех пор, пока не будет существовать реаль-

*) Если первые слухи пока, к сожалению, лишены оснований, то ко вторым следует относиться со всей серьезностью. Так, выступая 15 марта по стоковольскому радио, шведский радиокomentатор Гунар Кумлин сообщил, что он провел день 12 марта в квартире Милована Джиласа в Белграде и брал интервью у супруги Джиласа Стефании, которая, среди прочего, заявила, что за истекшие 11 месяцев в пищу, получаемой ее мужем от тюремных властей, трижды был обнаружен яд. После того, как он и его коллега, корреспондент итальянского телевидения, покинули квартиру Джиласа, они были арестованы органами югославской госбезопасности и подвергнуты грубейшему допросу. У них были отобраны фильмы и магнитофонные записи, а им самим предложили немедленно покинуть страну.

ная возможность существования легальной оппозиционной демократической социалистической общественно-политической организации, которая будет находиться вне какого бы то ни было контроля Союза коммунистов, — рассказы о социалистической демократии, югославском самоуправлении, этой «джиласовщине», без Джиласа, — не что иное, как обыкновенный блеф!

До тех пор, пока будет существовать положение, подобное нынешнему, когда решение о том, что следует, а что не следует сообщать народу, выносится только в одном центре, контролирующем все средства информации в стране, — возможности злоупотребления и обмана будут существовать постоянно. Достаточно вспомнить молчание в югославской печати о «деле Джиласа» и о феномене 1948 года, полное умолчание кровавого восстания в Новочеркасске и забастовки шахтеров Донбасса в 1962 году, студенческой демонстрации в пользу Синявского и Даниэля 5 декабря прошлого года в Москве, недавнее самосожжение двадцатипятилетнего украинца Николая Дидика перед центральным зданием КГБ в Москве в знак протеста против полувекового террора (хотя та же самая печать о подобном самосожжении в Вашингтоне писала без конца). Югославское общество сегодня созрело для демократии и не желает, чтобы кто бы то ни было, в каком бы то ни было центральном комитете какой бы то ни было единой партии решал бы, что народ смеет, а чего не смеет знать о мире, о жизни и политических событиях на нашей планете.

Мы больше не желаем того, что гениальный Орвелл назвал «двоемыслием». Мы не желаем, чтобы было запрещено открыто полемизировать о том, о чем мы дома ведем самые оживленные дискуссии!

Настало время открыто говорить о феномене Джиласа и о путях ликвидации однопартийной системы. В последнем номере югославского журнала по социально-общественным вопросам «Социализм» открыто начали употреблять термин Джиласа «новый класс» (хотя, на самом деле, этот термин исходит от великого русского философа Николая Бердяева, произнесшего его еще в 1933 году).

По крайней мере в социалистическом мире никого нельзя обмануть так называемым отрицанием государства, растворением партии в «самоуправляющемся» или «общенародном» обществе, в котором якобы не существует политических группировок. Мы хотим, чтобы соблюдались югославский закон, конституция и Декларация прав человека и гражданина, в которых всюду ясно указано на неоспоримые права личности свободно выносить на общественное обсуждение свои политические взгляды, свободно проводить собрания и создавать политические организации для легальной деятельности в обществе и стране, в которой эта личность находится. Нам, многочисленным социалистам — некоммунистам стало уже невыносимым то обстоятельство, что мы читаем исключительно коммунистическую печать, что мы узнаем о решениях и намерениях только коммунистического Центрального Комитета и живем в несправедливом обществе, где возможность открытой политической деятельности имеется только у людей с коммунистической идеологией. Если несправедлива дискриминация за цвет кожи, — а негры в США пользуются хотя бы правами свободного политического объединения, — то еще более несправедливо лишение возможности легальной политической деятельности в обществе, в котором мы живем, нас, — людей, стоящих на демократических и социалистических, но не коммунистических идейных и религиозных позициях.

Джилас первый в нашем обществе открыто восстал против общественно-политической дискриминации тех, кто ни в чем не соглашается с Союзом коммунистов, но кто ни в коем случае не принадлежит к так называемым «враждебным буржуазным классам». Поэтому и вопрос о судьбе Джиласа — вопрос о свободе в Югославии, прежде всего вопрос возможности существования демократической социалистической системы и разрушения монополии полити-

ческой власти одной партии, монополии, носящей в себе опасность рецидива худшего вида сталинизма. Джилас — это не возврат к капитализму. В истории нельзя идти назад, можно идти только вперед. Джилас — это демократический, нетоталитарный социализм. Джилас сегодня — символ свободы в рамках социалистической общественной системы. А сам факт эволюции однопартийной системы в Югославии в свободную демократическую, многопартийную систему, будет детонатором и одновременно указателем пути всем странам Восточной Европы и, конечно, России.

Судьба свободы в Югославии зависит от судьбы Джиласа, а от пути, по которому пойдет Югославия, зависит судьба всех социалистических стран Восточной Европы, потому что жизнь показывает, что развитие в социалистических странах, включая сюда и СССР, идет именно югославским путем. А от судьбы России зависит судьба всего человечества. Без свободной, демократической России человечество не сможет противостоять азиатскому коммунистическому тоталитаризму.

Быть может никогда еще в истории судьба одного человека не была настолько связана с судьбой всего человечества, как сегодня с ней связана судьба Милована Джиласа. К сожалению, это обстоятельство, кроме нас в Югославии, понимает все еще недостаточное количество людей в мире. Вопрос свободы Джиласа бесконечно важнее исхода войны во Вьетнаме, так же, как венгерская революция 1956 года была неизмеримо более важной, чем суэцкий конфликт. Борьба за свободный мир ведется сейчас не во Вьетнаме, а в Югославии. Если бы только часть энергии, вкладываемой как в военные усилия во Вьетнаме, так и в демонстрации против этих усилий, была мобилизована для освобождения Джиласа, — мир получил бы неизмеримо больше, чем он получит в результате любого исхода войны в Южной Азии. От судьбы Джиласа, с которой связана судьба демократического социализма, зависит судьба Западного мира, судьба вас, судьба ваших детей, зависит — будут ли ваши дети рабами тоталитарного общества и потенциальными шизофрениками или свободными и здоровыми людьми в едином демократическом обществе.

Вы, — которые, если пожелаете, можете голосовать за лейбористов или консерваторов, республиканцев или демократов, социалистов или коммунистов, читать газеты того духовного направления, которое наиболее отвечает вашим запросам, — вспомните, что мы можем голосовать всегда только за одну единственную партию и читать газеты только одного направления. И не думайте, что это касается только нас одних. От нашей судьбы зависит и ваша, а без усилий всех свободолюбивых демократических сил в мире правящую партию Югославии нельзя будет принудить соблюдать государственную конституцию и закон и допустить легальную деятельность независимой и демократической социалистической политической организации, то есть выполнить то, чего требовал Милован Джилас, то, что связано с его именем.

Не верьте югославскому «самоуправлению» до тех пор, пока люди, симпатизирующие установкам Джиласа, не получат возможности самоуправляться в полном смысле этого слова, — то есть открыто и легально выражать, защищать и организованно проводить в общественную жизнь свои идеи и убеждения.

Я, как убежденный сторонник демократического социализма, хотел бы сказать западным социалистам, — пока Джилас в тюрьме, пока в странах социализма не существует возможности легальной деятельности свободной социалистической партии, совершенно независимой от коммунистической, — не верьте ни одному слову коммунистов, когда они твердят, что отказались от введения однопартийной диктатуры. Пока существует однопартийность, пока в выборах в социалистическом мире может принять участие только одна коммунистическая партия, — знайте, что любой союз, в который вы вступаете в нашей стране с коммунистами, есть только тактический ход коммунистической партии.

Вопрос Джиласа в Югославии становится с

каждым днем все более актуальным. Многие надежды, которые возлагались на XXIII съезд КПСС в смысле либерализации социалистического мира, оказались напрасными. Прошли времена, когда на партийных съездах Ленин и Троцкий, Радек и Бухарин вели идеологические сражения по наиболее важным вопросам текущего исторического момента. Этот съезд ничего не изменил, ничего нового не сказал. Именно поэтому для социализма проблема Джиласа и «джиласовщины» становится еще более важной. XXIII съезд КПСС доказал, что в рамках однопартийной системы нет и не может быть радикальных перемен к лучшему. Отсутствие демократии во всем обществе, то есть возможность деятельности только одной партии, — автоматически ведет к отсутствию демократии внутри партии, а в дальнейшем — к обычным сумеркам тоталитаризма с большим или меньшим «культом личности». Как реакция на противоестественное отсутствие свободной политической жизни народа, сейчас же появляются националистический экстремизм, религиозный фанатизм, узкий клерикализм и т. п. Все это наблюдается сегодня в Югославии, так же, как и в СССР. И никакими полицейскими мерами этого не победить. Единственное лекарство для создания здорового общества — политическая свобода.

Уже стало обычным, что во время различных политических процессов над писателями и публицистами в социалистических странах обвиняемые оправдываются тем, что их действия были лишены какой бы то ни было политической окраски, что дело идет только о вопросах литературы, искусства, истории и т. д.

К сожалению, и на Западе печать, защищая обвиняемых, приводит тот же аргумент. Как будто весь мир соглашается с тем, что открытое признание, что тут дело именно в вопросе политической свободы, — заранее оправдывает

преследование и приговор. Так на московском процессе Синявский и Даниэль доказывали, что их произведения не имеют политической окраски. Как будто не есть неотъемлемое право человека иметь политическую, именно политическую окраску, такую, какую он сам желает. Почему, скажем, Сартр или Бертран Рассел могут, и с большой пользой, активно участвовать в политической жизни своей страны, а мы в социалистических странах должны постоянно отмежевываться от того, что наша деятельность имеет политический резонанс?

Возможность свободной политической активизации является базой и единственной гарантией свободной деятельности и во всех остальных сферах человеческого творчества, — в литературе, искусстве, религии, науке и экономике. Без политической свободы все эти остальные свободы весьма иллюзорны и в любой момент могут быть отняты, без того, чтобы общество обладало какой бы то ни было возможностью самообороны. Политическая демократия была, есть и будет условием и основой любого другого вида демократии. Вопрос Джиласа и второй партии есть политический вопрос и сегодня пришло время сказать открыто, — что для нас в социалистическом мире наиболее важным и существенным вопросом является вопрос политических свобод и что прошло время, когда мы должны были отмежевываться от того, что мы имеем какое-либо отношение к политической деятельности. Прошло время, когда мы считали совершенно нормальным, что только коммунисты обладают правом на свободную и легальную политическую деятельность.

З а д а р, май 1966

Copyright for Russian by „POSSEV”.

World copyright by

SWISS EASTERN INSTITUTE, BERNE.

ПОСТРАНЕ

● Возвращение Л. Брежнева в Москву. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев вернулся в Москву 13 мая из своей трехдневной поездки в Бухарест, куда он выезжал «с неофициальным визитом». Л. Брежнев сопровождал в поездке К. Рукавов, член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, считающийся специалистом в области советско-китайских партийных взаимоотношений.

Хотя визит Брежнева был и «неофициальный», но о нем появилось в «Правде» от 14 мая сообщение вполне официальное. В нем туманно говорится, что Л. Брежнев и Н. Чаушеску (генеральный секретарь румынской компартии) в ходе визита вели «дружественные беседы» и обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития сотрудничества между СССР и ССР, между КПСС и РКП и по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

● Возвращение с сессии Межпарламентского союза. 21 апреля в Москву из Канберры (Австралия) возвратилась советская парламентская делегация во главе с заместителем председателя Президиума Верховного совета СССР Ю. И. Палецким. Она принимала участие в весенних заседаниях органов Межпарламентского союза 11-16 апреля.

СССР внес в порядок дня сессии вопрос о Вьетнаме (см. «Посев» 15.4). Проблема была обсуждена, но дебаты закончились принятием резолюции, составленной на основе проекта ОАР, причем «делегации СССР и других социалистических стран воздержались при голосовании», поскольку поправки советской делегации к проекту резолюции «не получили большинство голосов» («Правда» 18.4).

● Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о помощи Ташкенту. ЦК КПСС и Совет министров СССР по докладу правительственной комиссии, образованной в связи с происшедшим 26 апреля с.г. землетрясением в Ташкенте, приняли постановление «О неотложных мерах помощи Узбекской ССР по ликвидации последствий землетрясения в гор. Ташкенте».

В исполнение этого постановления, как сообщают «Известия» от 8 мая, выделены в распоряжение Совета министров Узбекской ССР «необходимые капитальные вложения и материально-технические ресурсы». Кроме того, ташкентцам направлены дополнительно продовольственные и промышленные товары, медикаменты, оборудование и средства транспорта. В Ташкент следу-

ют — пишет газета — материалы для сооружения жилых домов, строительные поезда со строителями-специалистами.

● Предпоследняя фаза предвыборной кампании в Верховный совет СССР. Предвыборный фарс разыгрывается по старым прописям. После пропагандного выдвижения членов Политбюро кандидатами в депутаты Верховного совета чуть ли не от всех избирательных коллективов страны, что должно было символизировать «доверие» страны, в печати (от 6 мая) опубликовано «открытое письмо» с подписями этих кандидатов. В нем «выдвиженцы всего советского народа» сердечно благодарят всех за оказанное доверие и сообщают, что они, по рекомендации ЦК КПСС, дали согласие баллотироваться только в строго определенных избирательных округах. Так, в Москве будут «выбирать» Л. Брежнева, А. Косыгина, Н. Подгорного и П. Демичева; в Киеве — В. Щербицкого и П. Шелеста; в Минске — П. Машерова; Г. Воронова — в Новосибирске, М. Сусллова — в Ленинграде и т. д.

Окружные комиссии занялись сейчас предпоследним этапом — регистрацией «самых достойных».

● Открытие в Москве XV съезда комсомола. 17 мая, во Дворце съездов в Кремле открыт XV съезд комсомола. На съезд прибыли, помимо 3831 делегатов от 23 миллионов советских комсомольцев, также и иностранные делегации из 72 стран в числе около тысячи человек. Делегации из коммунистического Китая и Албании на съезд не прибыли. В президиуме съезда находились первый секретарь ЦК комсомола С. Павлов, генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев, председатель президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный и несколько членов Политбюро ЦК КПСС — Воронов, Суслов, Мазуров и Кириленко. Председательствовал Павлов. На повестке первого дня стоял его отчетный доклад.

● «Синхронизированный» ответ польского правительства в советской печати. В центральных газетах от 7 мая помещен почти полный текст ответа правительства Польши на ноту правительства ФРГ от 24 марта. Помещение польской ответной ноты в «Известиях» можно толковать как одобрение советским правительством текста польской ноты. Как известно, в ноте правительства ФРГ излагались его взгляды в области уменьшения напряженности в Восточной Европе. В польском ответе грубо перечеркиваются все предложения правительства ФРГ и говорится: «правительство ФРГ, стремясь оправдать свою политику вооружений, прибегает к грубым инсинуациям, имеющим целью доказать существование мнимой угрозы безопасности ФРГ со стороны Советского Союза».

Торгуются из-за Брука

В «Известиях» от 24 апреля появилась статья В. Багрина под заголовком «Крокодиловы слезы шпиона». Статья касается дела Джералда Брука, молодого англичанина, осужденного прошлым летом на показательном процессе в Москве за сотрудничество с НТС. «Крокодиловыми слезами» Багрин называет письмо Брука в газету «Дейли экспресс» (напечатано в номере от 5 апреля; см. также «Посев» от 15 апреля).

Советскому читателю, который впервые из этой статьи узнает, что Брук, отбывающий срок в советской тюрьме, написал открытое письмо в английскую газету, должно быть ясно, что письмо это не только написано с ведома соответствующих органов, но и согласовано с ними. Для него ясно также, что и статья в «Известиях» написана по поручению органов журналистом, состоящим с ними в непосредственной связи. Но для него может быть не совсем ясно, почему журналист-кагебист называет документ, пропущенный другими кагебистами, «крокодиловыми слезами», почему он вдруг начинает величать «шпионом» Брука, осужденного по той же статье, что Синявский и Даниэль (статья 70 Уголовного кодекса РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда»), кому и что он яростно пытается доказать?

Впрочем, даже тому, кто хорошо знаком с этим делом, не всегда легко во всем разобраться, потому что если в сталинские времена сравнительно нетрудно было понимать происходящее и даже предсказывать события наперед, то чем больше коммунистический строй разваливается, тем сложнее становится разбираться во множестве все новых, пересекающихся трещин, появляющихся на его теле.

Когда Брук был арестован, то по вопросу, как с ним поступить, на верхах власти противоборствовало, по крайней мере, три течения. Одни считали, что шума не стоит подымать, а следует сделать вид, что власть ничего не боится, что даже следует как бы пренебрежительным жестом высказать Брука из СССР. Другие настаивали на том, что следует устроить громкий «шпионский» процесс, судить «по всей строгости закона, чтобы другим неповадно было». Третьи, — что надо держаться оредней линии: поскольку в стране в «шпионский вариант» никто не верит и он вызывает только насмешки, осудить за «агитацию» (в это, мол, охотно поверят), но осудить пропагандно, показательно. Этот вариант и прошел, но и он не дал ожидаемых результатов. Самое горькое для власти, что он никого не запугал.

Но в органы власти были уверены, — в том, что уж последнюю комбинацию с Бруком им провести удастся, комбинацию «обмена». Поскольку Брук, после вынесения приговора и включения пропагандной шарманки, власти не нужен и является скорее обузой для нее, его хотели обменять на советских агентов, Петра и Елену Крогер, отбывающих длительные сроки наказания в британских тюрьмах.

Советская сторона была, очевидно, уверена, что в этом плане британские власти чинить ей помех не станут. Вероятно, обнадеживало их поведение британских властей во всем предыдущем течении дела Брука, когда власти эти не проявили ни ожидаемой энергии, ни должного желания, чтобы освободить своего подданного, не совершившего по британским законам (и по законам любой демократической страны) никакого преступления. По всей видимости, британское правительство недовольно тем, что Брук действовал не в рамках нынешней британской политики, а сотрудничал с российскими революционерами, с «третьей силой», и недовольство это в сильной мере охладило желание итти на обострение отношений с СССР ради освобождения своего подданного, обвиняемого в несуществующих преступлениях. Ведущие британские политики публично называли Брука «глупым молодым человеком», хотя своевременнее было бы рассуждать не о его уме, а о том, виновен он, или нет.

Однако, не проявив большой настойчивости, когда надо было защищать Брука от коммунистического произвола, англичане оказались не-

жиданно неподатливыми в пункте обмена: на советские предложения они неизменно отвечают, что Брука следует освободить и что отдавать за него супругов Крогер они не намерены.

Расстроенные неудачей, соответствующие органы решили включить в дело обмена самого Брука и предложили ему обратиться с письмом к британской общественности, предполагая, что Брук, раз дело касается его освобождения, напишет любую, продиктованную ему шпаргалку. Но и тут они ошиблись. Брук согласился написать письмо и внести туда нужные власти пункты об обмене, но под диктовку писать не согласился. Он, очевидно, не хотел, чтобы средний читатель решил, что Брук, ходатайствуя об обмене его на шпионов, сам себя тоже считает преступником, тем более, что на суде он был поставлен в такое положение, что вынужден был признать свою вину. Сейчас Брук проявил мужество, редкое для человека, находящегося в заключении: он показал, что доброе имя для него дороже свободы и в письме своем открыто заявил, что хотя и хочет, чтобы его обменяли на преступников, но сам себя таковым не считает, что он не совершил преступления ни перед своей совестью, ни перед законами своей страны, что у него есть убеждения и идеалы, за которые он готов страдать и даже умереть.

«Руководящие товарищи», видя, что Брук другого письма не напишет, скрепя сердце, пропустили это, — очевидно им во что бы то ни стало нужно освободить Крогеров. И, конечно, пришли в полное нервное расстройство, когда поняли, что письмо не произвело должного воздействия на британскую общественность и тех, от кого зависит решение об обмене. «Спасать положение» решили со страниц «Известий».

Багрин, по заданию «руководящих товарищей», повел шумную полемику как с английской стороной, так и с содержанием оказавшегося «неправильным» письма Брука. Но поскольку полемика происходит на страницах советской печати, а советскому читателю не сообщали и пока не думают сообщать о советском желании обменять Брука (многие читатели решили бы: Брука потому и арестовали, чтобы потом обменять, а дело «пришили»), то Багрин написал статью таким языком, чтобы те, к кому он обращается, поняли, о чем речь, а свой, советский человек (тот самый, который «звучит гордо»), не понял бы. Так во времена «проклятого царизма» помещики и капиталисты в присутствии прислуги и крепостных говорили между собой по-французски.

Багрин и иже с ним хотят внушить англичанам следующее.

Во-первых, преступников-Бруков было двое: муж и жена.

«Вместе с женой Барбарой Брук бегал по Москве, опуская в почтовые ящики подметные письма с подстрекательным материалом, передавая... антисоветские брошюры, инструкции по ведению подрывной работы, клише и портативную резиновую типографию для печатания листовок...»

Во-вторых, Бруки совершили преступления, за которые на Британских островах суд

«...выносит значительно более суровые приговоры — до 20 и 40 лет лишения свободы, не обращая внимания на то, мужчина это или женщина и вовсе не задумываясь о гуманности».

Советский суд осудил Брука, повторяем, за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Следовательно, на Британских островах за «антибританскую агитацию и пропаганду» осуждают на 20 и 40 лет, а в СССР за это Бруку дали 5 лет, а его супругу отпустили

«Исходя из принципов социалистического гуманизма», согласно которым «...уголовное законодательство советского общества не ставит перед собой цели мести и тем более причинение излишних страданий лицам, совершившим преступление».

Так, что ли следует понимать Багрина?

Нет, нетерпеливо прерывает Багрин непонятливого читателя. Ведь у меня и в заголовке и в тексте ясно сказано, что Брук занимался шпионажем! И жена его занималась шпионажем! А мы по своей чекистской неопытности и гуманности ее отпустили, — гуляй, мол, Барбара! За

эту туманность нам даже порядком досталось от своей, советской общественности.

«Мне вспоминаются многочисленные телефонные звонки и письма в редакцию после вынесения приговора, — пишет Багрин. — И в каждом разговоре или письме высказывалось неудовлетворение мягкостью приговора. Люди спрашивали также, почему скамьи подсудимых избежала жена Брука — его прямая соучастница?»

Но, могут снова возразить Багрина непонятливые западные читатели, ваше утверждение, — даже с точки зрения советского законодательства, — содержит клевету. Ведь, повторяем еще раз, Брук осужден по статье 70, а вы «пришиваете» ему статью 65 и тем самым утверждаете, что ваш, советский суд судит неправильно. На Западе за такой выверт адвокат осужденного немедленно привлек бы к ответственности и газету и автора статьи. Не опасаетесь ли вы, Багрин, что это сделает предоставленный Бруку советский защитник Боровик?

Что же касается ваших ссылок на пишущую и телефонирующую в редакции «общественность», то вы бы просто могли сообщить этим людям, что поскольку они не участвовали в следствии и были лишены всякой объективной информации, то качественно их «гнев» ничем не отличается от «гнева» любителей суда Линча.

Но нет, Багрин сбить не так легко. Очевидно, он «отвергнет с негодованием гнусные намеки на суд Линча», а на вопрос, не опасается ли шагов со стороны предоставленного Бруку защитника, — только ухмыльнется. Вы, господа, скажет он, не вмешивайтесь в наши внутренние дела: основанное на принципах социалистического гуманизма советское законодательство обладает значительно большей эластичностью, чем ваше, буржуазное. Не даром Багрин и начинает и заканчивает свою статью словами «закон есть закон», намекая, очевидно, непонятливому западному читателю на русскую пословицу насчет дышла.

Те, к кому обращаются через Багрина «руководящие товарищи», должны, по замыслу статьи, не рассуждать, а расшифровывать ее так: у вас два преступника, у нас два преступника. Давайте меняться. Кстати, мы в этом отношении уже сделали почин и освободили одного.

Вдобавок ведь и сам Брук обращался с письмом «...к английской общественности с просьбой помочь ему и предлагал для этого какие-то варианты» (выделено нами — Я. Т.).

Это, конечно, не совсем так. «Варианты» предлагали хозяева Багрина, а Брук в своем письме только сообщил, что и он хотел бы, чтобы его обменяли.

Багрин недоволен, что английская печать «неправильно» откликнулась на письмо Брука:

«...реакцию прессы понять было нельзя, — пишет он, — до такой степени она оказалась нелогичной».

Прежде всего газеты начали кричать о пошатнувшемся здоровье Брука, о строгости тюремного режима... последовали упреки в отсутствии гуманизма».

Верно, английские газеты писали об этом. Но они писали об отсутствии гуманизма в связи с тем, что Брук, с точки зрения демократии, не совершил преступления. Да и в письме своем он подчеркнул, что он невиновен.

Вот это-то и были «крокодиловы слезы»! — восклицает Багрин. Письмо было тоже «неправильное», — какой заключенный станет признавать свою вину? Вы лучше прочтите ту часть письма, где предлагаются «варианты», а все остальное пропустите...

Словом, Багрин старается в меру сил и способностей и, если войти в его положение, то можно ему даже посочувствовать. Когда чекисты начинают ворковать о гуманизме, когда они неуклюже — сказывается отсутствие опыта — начинают рассуждать о законности, то это верный признак, что дела у них обстоят не блестяще.

Да, времена сегодня для Багрина и его хозяев тяжелые. А завтра им будет еще труднее. Может быть, и Брука придется выпускать, не вырвав за него желаемого «куска».

Я. ТРУШНОВИЧ

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

«Манифест воинствующего национализма»

7 мая, по случаю сорокалетия со дня основания румынской компартии Чаушеску выступил с большой политической речью. Эту речь можно охарактеризовать, как манифест воинствующего национализма внутри коммунистического лагеря.

В начале своей речи Чаушеску выдвинул любопытный тезис, что коммунизм носит национальный и интернациональный характер одновременно.

«Мы решительно отбрасываем утверждение, будто нация, как общественная формация, обречена на исчезновение, — заявил Чаушеску под бурные аплодисменты присутствовавших, намекая на теории, бытующие среди КПСС. — Массы трудящихся — стойкие бойцы за национальное освобождение, блюстители нашего национального единства». Главной задачей партии — подчеркнул Чаушеску, — является «продолжать многовековую борьбу за национальную независимость». Стремясь представить коммунистический строй в Румынии чем-то самобытным, а не принесенным извне, и протянуть нити к прошлому, Чаушеску заявил, что «социализм в Румынии продолжает развитие страны, начавшееся еще в эпоху буржуазии».

Переходя к истории румынской компартии, Чаушеску резко осудил и политику Коминтерна в отношении Румынии и довоенное руководство компартии, которое слепо выполняло директивы Коминтерна во вред румынским национальным интересам. Особенно вредным было, по словам Чаушеску, вмешательство Коминтерна во внутрирумынские дела в 1921 и 1940 годах.

В 1921 году, под давлением Коминтерна румынская компартия приняла резолюцию, осуждающую аннексию Румынией Бессарабии и Северной Буковины. В 1932 году, — напомнил собравшимся Чаушеску, — 5 съезд румынской компартии определил Румынию, как многонациональное государство, созданное присоединением чужих территорий, что, по мнению нынешнего генерального секретаря партии, противоречило действительности. Румынское коммунистическое руководство, действуя по указке извне, выступало таким образом, по словам Чаушеску, «за отторжение от нашей родины земель, населенных преимущественно румынами».

Только в 1939 году, — сказал Чаушеску, — «партия изменила свое мнение и заняла решительную позицию защиты национального единства, независимости и суверенитета».

Но такая позиция привела румынскую компартию в прямой конфликт с Коминтерном и его истинным хозяином — Сталиным. Чаушеску поведал собравшимся, что в 1940 году Коминтерн (читай: Сталин) дал румынским коммунистам директиву не оказывать никакого противодействия гитлеровской агрессии, никакой политической или пропагандной поддержки жертвам агрессии — полякам, чехам и словакам.

«Вместо того, чтобы поддерживать борьбу с военной машиной Гитлера, Коминтерн сурово выговаривал румынским коммунистам за их отпор немецкой агрессии, — заявил Чаушеску и патетически воскликнул: история показала, что мы были правы!».

Это — понятный всем намек на пакт Гитлер-Сталин и его последствия. Впервые, в лице Чаушеску, лидер зарубежной компартии недвусмысленно осудил политику руководства КПСС в 1939-1941 гг.

Не обошел Чаушеску молчанием и так называемый «венский диктат» в 1940 году, когда под давлением гитлеровской Германии и при молчаливом попустительстве Советского Союза Румыния была вынуждена уступить Венгрии Трансильванию.

«В этот тяжелый момент нашей истории, — сказал Чаушеску, — румынский народ оказался одинок, без какой-либо помощи извне. Брошенная на произвол судьбы всеми европейскими державами, — подчеркнул Чаушеску, — Румыния была вынуждена принять венский диктат и стала жертвой сил нацизма».

Чрезвычайно интересно и политически важно то, что переходя к эпохе второй мировой войны, Чаушеску воздал должное поведению

части тогдашнего ведущего слоя Румынии и лично короля Михая.

«Сопrotивление фашистской диктатуре и гитлеровской Германии, — сказал Чаушеску, — охватило различные группы, включая некоторые буржуазные партии и королевский дворец. Они сопротивлялись немецкой оккупации и протестовали против разграбления страны нацистами».

Все эти экскурсы в прошлое послужили для Чаушеску основой для формулировки политической линии румынского руководства в настоящем и будущем.

Чаушеску отметил, что Румыния поддерживает тесную дружбу со всеми коммунистическими государствами (т. е. и с СССР и с Югославией; с КНР и с Албанией), и что, с другой стороны, развиваются и крепнут связи Румынии с государствами Западной Европы, в особенности с Францией, Италией, Англией, Австрией и Скандинавскими странами. Охарактеризовав таким образом самостоятельное положение Румынии в коммунистическом мире, Чаушеску заверил собравшихся, что «никогда больше мы не подчиним наши национальные интересы чуждым нам политическим целям». В связи с этим Чаушеску категорически высказался против воссоздания какого-либо международного коммунистического центра вроде Коминтерна или Коминформа. «Разнообразие условий борьбы девяносто коммунистических партий — сказал он — исключает всякую возможность направления их деятельности единым центром». Политика румынских коммунистов будет исходить из их собственных интересов и в своей деятельности они — по словам Чаушеску — «будут отстаивать национальные интересы румынского народа».

По-видимому, 7 мая румынский коммунистический строй после речи Чаушеску вступил в свою новую фазу: в стадию открытого, ничем неприкрытого национал-коммунизма. В столь националистическом духе не высказывались даже Тито в 1948 г. и Гомулка в октябре 1956 года. Чтобы, имея под боком Советский Союз и Венгрию с Болгарией (обе последних страны имеют к Румынии территориальные притязания) вести самостоятельную, неприятную соседям, политику, нужно, разумеется, стремиться к максимально-возможному расширению базы власти. Речь Чаушеску, если говорить о ее внутриполитическом аспекте, — и преследовала эту цель. В частности, обращает на себя внимание — «поклон» в сторону короля Михая и «гражданских» партий (либералов, аграриев, социал-демократов). В течение двух с половиной лет после занятия Бухареста советскими войсками румынские коммунисты и КПСС не решались устранить короля: настолько он был популярен в народе. (Кстати, король Михай — один из немногих иностранцев, которых советское правительство наградило орденом Победы). Вероятно, король — главное действующее лицо в государственном перевороте 23 августа 1944 года, покончившем с диктатурой Антонеску — популярен среди какой-то значительной части населения и по сей день, иначе Чаушеску о нем бы не вспомнил в своем стремлении «привлечь сердца». То же можно сказать и о старых политических партиях.

Речь Чаушеску в советской печати почти не нашла своего отражения; немногие опубликованные выдержки, содержат лишь общие фразы и не дают об этой речи никакого представления. Мало того: сразу же после того, как руководство КПСС ознакомилось с текстом речи, советские послы во всех восточноевропейских столицах передали правительствам «народных демократий» его просьбу не публиковать у себя этой речи. Просьба эта была выполнена.

А затем состоялся молниеносный, внезапный визит Брежнева в Бухарест. О чем он там совещался с Чаушеску — еще неизвестно. Московские корреспонденты западных газет сообщали, что в партийно-правительственных кругах КПСС речь Чаушеску вызвала серьезное

беспокойство. Белградский корреспондент американской газеты «Нью-Йорк тайме» сообщил (9 мая), что политические наблюдатели в югославской столице считают, что главная тема разговоров Брежнев-Чаушеску — почти неприкрытое требование последнего вернуть Румынии Бессарабию и Северную Буковину, земли, «населенные преимущественно румынами» (по его же собственным словам). Конечно, обойти эту щекотливую тему вряд ли было возможно. Но нет недостатка и в других «спорных» моментах; такими являются, например, упорное нежелание румынского руководства «интегрироваться» в рамках СЭВ, сдержанное отношение, проявляемое в Бухаресте к организации Варшавского пакта (Чаушеску в своей речи говорил об опасности разделения мира на «военные блоки»), наконец, нейтральная позиция румынской компартии в конфликте КПСС-КПК.

Лишь после возвращения Брежнева в Москву, граждане нашей страны могли узнать из официального сообщения ТАССа, что тот летал в Бухарест; до этого — сведения о визите поступали им, так сказать, только «в частном порядке»: из передач иностранных радиостанций (нормальная для советской действительности картина: о том, что делается в стране и в мире приходится узнавать из заграничных источников!).

Какими бы компромиссами (в лучшем для КПСС случае) ни завершилось свидание Брежнев-Чаушеску, ясно одно: его выступление 7 мая представляет собой, по сути говоря, далеко идущую по своим политическим последствиям декларацию. Уже раньше в Вашингтоне циркулировали неопровергнутые госдепартаментом слухи, что в критические дни кубинского конфликта осенью 1962 года Георгию-Деж довел до сведения США, что если вспыхнет советско-американская война, то Румыния объявит нейтралитет. Теперь намерение сохранить нейтралитет вырисовывается довольно явственно; на это, как будто, намекают слова Чаушеску, что «никогда больше мы не подчиним наши национальные интересы чуждым нам политическим целям», и что румынские коммунисты «будут отстаивать национальные интересы румынского народа».

Не так давно в Румынии торжественно отмечалась память покойного Николая Титулеску, румынского министра иностранных дел в период между двумя войнами. Деятелю королевской Румынии особенно вменялось в заслугу то, что он проводил независимый внешнеполитический курс. От себя заметим, что Титулеску пользовался большим престижем во Франции, Англии и США и что его усердно обхаживал Литвинов. Похоже на то, что чествование королевского министра было прелюдией к речи генерального секретаря РКП.

А. Н.

«НАСТОЯЩЕЕ ЛИЦО ПРЕДАТЕЛЯ ШОЛОХОВА»

Центральный орган китайских коммунистов газета «Женьминь жибао» опубликовала статью с яростными нападениями на Михаила Шолохова, озаглавленную «Настоящее лицо предателя Шолохова». Китайские коммунисты обвиняют Шолохова в том, что, приняв Нобелевскую премию, он изменил делу пролетарской революции и утверждают, что его произведения направлены против «Октябрьской революции, против Ленина, Сталина и собственного отечества».

Шолохов, член КПСС и «пролетарский писатель», принимая премию, сиял от радости, возмущается китайская газета и пишет, что Шолохов «не только сам себя проявил как изменник делу Революции, но и не хочет, чтобы другие восставали и совершали Революцию. Шолохов стал «ярким пропагандистом советско-американского культурного сотрудничества», утверждает «Женьминь жибао», цель которого — «советско-американская коллаборация для господства над миром».

Шолохову ставится на вид также и призыв к американцам: «Давайте ездить в гости друг к другу, между нами нет спорных вопросов, у нас нет оснований воевать друг с другом». Антишолоховская статья в «Женьминь жибао» опубликована по случаю его визита в Японию, куда Шолохов прибыл по приглашению объединения японских писателей.

Ю. В.

Всюду

▲ Председатель Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лай посетил Румынию.

▲ На Западе циркулируют слухи о предполагаемом выходе Румынии из состава стран Варшавского договора. По другим сообщениям, угроза румын расторгнуть договор — шантаж с целью добиться выгодных для себя условий при его реорганизации.

▲ Через девять месяцев коммунистический Китай взорвет свою первую водородную бомбу, заявил Грейг Хосмер, член атомной комиссии конгресса США.

▲ После пятимесячного отсутствия на официальных приемах Мао Цзэ-дун появился на приеме в честь премьер-министра Албании Махмуда Шеху.

▲ В коммунистическом Китае идет кампания против интеллигенции и писателей. Эта кампания направляется руководством компартии под лозунгом борьбы с современным и правым оппортунизмом.

▲ Столицу Северного Вьетнама Ханой посетила румынская правительственная делегация во главе с заместителем премьер-министра Боднарасом.

▲ Правительство КНР односторонне установило новые правила для судоходства по пограничным рекам. Они затрагивают в первую очередь советское судоходство на Амуре, Аргуни и Уссури.

▲ Южновьетнамские правительственные ударные части ворвались в Да Нанг — ставший центром буддистской оппозиции и захватили штабквартиру первого корпуса южновьетнамской армии, командование которого находится на стороне буддистской оппозиции.

▲ Южновьетнамские католические организации выступают в поддержку правительства маршала Нгуен Као Ки и его мероприятий.

▲ В Вене состоялась конференция руководителей компартий Западной Европы, в которой приняли участие 31 человек от компартий 14 стран, не входящих в коммунистический блок. Обсуждались вопросы новой тактики компартий и их совместных действий с некоммунистическими профсоюзами, социал-демократическими партиями, церковными организациями и другими некоммунистическими кругами.

▲ Африканская республика Дагомея восстановила дипломатические отношения со Свободным Китаем.

▲ Пропекинская компартия Японии увеличила коли-

чество своих членов за последние три года со 100 тысяч до 200 и добилась увеличения поданных за нее голосов на выборах с 2 до 6%.

▲ В Алжире подготавливается национализация горнорудной промышленности, сообщил глава алжирского правительства Бумедиен.

▲ Столица Конго Леопольдвиль переименована в Киншаса, Стэнливилль будет называться Кисангани, Элизабетвиль — Лубумбаши.

▲ Группа депутатов индийского парламента от правящей Партии конгресса обратилась к премьер-министру с требованием разрешить производство хотя бы одной атомной бомбы, как меру против атомного шантажа китайских коммунистов.

▲ Фактический глава индонезийского правительства генерал Сухарто сообщил, что Индонезия начнет создавать собственный атомный арсенал.

▲ Временное правительство Доминиканской республики Гектора Гарсиса Годоя предложило вывести вооруженные силы Организации Американских Государств из страны в тридцатидневный срок.

▲ Министр обороны ФРГ фон Хассель посетил Вашингтон и вел переговоры с министром обороны США Мак Намарой.

▲ Министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвилль посетил Польшу и подписал в Варшаве два документа: соглашение о культурном обмене и договор о научно-техническом сотрудничестве.

▲ В Гватемале объявлено чрезвычайное положение сроком на тридцать дней. Цель этой меры — внутренняя безопасность страны от коммунистов в связи с похищением двух крупных правительственных чиновников.

▲ В Испании состоялась демонстрация священников и монахов против произвола полиции. Демонстрация была разогнана силой и закончилась избиением священников полицейскими.

Ответственный издатель В. Горачек. Главный редактор А. Артемов. Заместитель главного редактора Я. Трушнович. Редакционная коллегия: А. Неймирок, Л. Рар, Л. Сергеева, Н. Тарасова, Л. Федоров. Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. Непринятые рукописи не возвращаются. Стихи редакция не печатает. Книжки для отзвона следует присылать в двух экземплярах. Перепечатывать, переводить на иностранные языки, использовать в выдержках или иным способом материалы, снабженные "copyright", можно только с разрешения издательства. Остальные материалы могут быть перепечатываемы, но с обязательной ссылкой на источник.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Poseev-Verlag, 623 Frankfurt/Main-Södenheim, Flurscheidweg 15.
Telefon 31 42 65 Postcheckkonto 334 61 Frankfurt/Main
Bankkonto 148 000 530 Naassuleche Sparkasse Frankfurt/Main

Издает еженедельник «ПОСЕВ», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «ГРАНИ», художественную и общественно-политическую литературу.

При издательстве — книжный магазин. Проспекты и каталоги высылаются бесплатно.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

АВСТРАЛИЯ: A. Veremeff, B. Abingdon st., W.-Gabb, Brisbane, Qld.
АВСТРИЯ: Wien, Postamt 76, Postfach 40.
АНГЛИЯ: Mrs. E. Baratchevsky, 23 Alder Grove, London N. W. 2.
D. Bilenko, 48 Leamington st., Oak Lane, Heaton, Bradford 9.
АРГЕНТИНА: N. Momot, Casilla de correo 2585, Buenos Aires.
БЕЛГИЯ: E. Drevinsky, B. P. 259, C. C. P. 53-66-07, Bruxelles 1.
БРАЗИЛИЯ: I. Alexandrow, Av. Lavandiera 648, Indianopolis, Sao Paulo.
ВЕНЕСУЭЛА: N. Drosdovsky, Apartado correo 4665, Caracas-Este.
ГОЛЛАНДИЯ: A. Kandaurov, Postbus 325, Rotterdam.
ДАНИЯ: D. Schewiltach, Herthavej 2 B, Koebenhavn-Charl.
ИЗРАИЛЬ: M. Kabiri, 33, rue Maaleh, Harofim, Ramath-Gan.
ИСПАНИЯ: Don Miguel Jureninsky-Kolchin, Padilla 55, Madrid.
КАНАЛА: A. Romar, 1420 Bernard ave., Montreal 8.
МАРОККО: M. Koltovskoy, 6, rue Courteline, Casablanca.
НОРВЕГИЯ: F. Tarakanow, Kruesagt, 5 B, Oslo.
СИНГАПУР: M. Talrov, 34 Stevens Road, Singapore.
США: "The Book House", 277 Foerfield Ave, Bridgeport, Conn. 06603.
"Slavonic Bazaar", 77 Plaza, Suite 101, Bridgeport, Conn. 06803.
Miss M. Rodsevich, 32-15, 79 st., Jackson Hgts., New York, N. Y. 11370.
A. Tzikevich, 2314, 25th ave, San Francisco, Calif. 94116. Tel.: SE 1-0339.
ФРАНЦИЯ: "Le Semis", B. P. 143, Paris 15. Tel.: BLOmet 62-06.
N. Altoff c/o M-me Barge, 6, place de la Croix-Rouasse, Lyon.
A. Lavroff, 2, rue de la Moselle, Nilvange (Moselle).
ШВЕЙЦАРИЯ: Leo Grossen, Postfach, Locarno.
ШВЕЦИЯ: Tidskriften "Posev", Box 4054, Södertälje 4.
ЯПОНИЯ: A. Bakulevsky, 437 Ival-cho, Hodogaya-ku, Yokohama.

Einzelprels DM 0.90

Розничная цена еженедельника «ПОСЕВ» в Германии — 0.90 н. м., в США и Канаде — 0.30 дол., во всех других странах — эквивалент 0.90 н. м. Подписка в Германии — на 1 год 41.60 н. м., на полгода 20.80 н. м., на 3 месяца 10.40 н. м. В США и Канаде — на 1 год 15.60 дол., на полгода 7.80 дол., на 3 месяца 3.90 дол. (при доставке по воздуху — на 1 год 22.80 дол., на полгода 11.40 дол., на 3 месяца 5.70 дол.). Во всех других странах — на 1 год 46.80 н. м., на полгода 23.40 н. м., на 3 месяца 11.70 н. м.

Розничная цена журнала «ГРАНИ» в Германии — 7 н. м., в США и Канаде — 2 дол., во всех других странах — эквивалент 7 н. м. Подписка на четыре номера в Германии — 25 н. м., в США и Канаде — 7 дол., во всех других странах — 26 н. м.

Фонд Свободной России

Комитет Фонда подтверждает
получение пожертвований

от Марины, Франция	100.— фр. фр.
от КБК, Франция	50.— фр. фр.
от г-на Г. Сатина, Германия	20.— нем. мар.
от Ю. Ф., Германия	500.— нем. мар.
от г-на М. Вагнера, Германия	100.— нем. мар.
от г-на С. Бодягина, Бельгия	15.74 нем. мар.
от друга НТС, Дания	100.— дат. кр.

и приносит всем жертвователям глубокую благодарность.
Взносы в Фонд Свободной России следует направлять по адресу:

Schweizerischer Bankverein Basel

Konto Nr. 461 971, NTS — FFR — Basel — Suisse/Schweiz/Switzerland
или передавать лично представителям Фонда.

БОЛЬНЫМ СЛАБЫМ НЕРВНЫМ

Мы знаем уже много лет и обстановка крайности
верного влечения. Неприятности, мигрень, головные и пр. боли, усталость, апатия, бессонница, нервные запоры — вот чем страдает
сама ли не каждая из нас. В результате рас-
стройство нервной системы влечет и более тя-
желые последствия, а именно: ослабление инстинк-
та жизнедеятельности и нарушение функций всех органов, что и является основной причиной всех
болезней, преждевременной старости и часто ранней смерти.

Научно установлено, что известное лекарство Kalfloid восстанавливает равновесие, перемещает
силы и функции, будучи в состоянии, снова начинает подавлять всеми радостями здоровой
жизни.

Профессор Афинского университета д-р Кугас пишет: «Я признаю КАЛЕФЛЮИД могущественным
лечебным средством, чрезвычайно укрепляющим и восстанавливающим силы и нервную систему».

КАЛЕФЛЮИД награжден на выставках в Париже, Лондоне, Риме, Брюсселе и Флоренции 5 золотыми
медалями.

Брошюра на всех главных языках мира рассылается бесплатно. КАЛЕФЛЮИД продается в аптеках.
Где нет, пишите немедленно!
Laboratoire E. "KALEFLUID", 88, Bd. Exelmans, Paris (16-е), France
В Канаде: Pharmacia Brunelle 5757, Bd. Monk, Montreal
В Австралии: E. Hubstenko, 16, Howards Rd. Beverley, Adelaide
Заказ по США и другим стран направляйте нам во Францию

КАЛЕФЛЮИД

«Никогда еще такой документ не поступал к нам из России. Захватывает дыхание, когда читаешь слова человека, который, живя в России, называет коммунизм всего лишь разновидностью фашизма» «Тайме», Лондон. «Труд почти классический... блещет тысячами искр чистой правды» Эдуард Крэнкшоу, «Обзервер», Лондон. «Повесть гнева и гимн свободе» Бернар Ферон, «Монд», Париж. «Свидетельство воли к свободе, которую не смогли удушить 50 лет навязывания доктрины марксизма», «Тайм», Нью-Йорк. «...говорит от имени той части российского общества, которая в своем стремлении к свободе не даст себя остановить на полпути» «Журнал де Женев», Женева.

ВАЛЕРИЙ ТАРСИС

ПАЛАТА № 7

В. Я. Тарсис порвал с КПСС и с Союзом писателей СССР в 1960 г. С весны 1962 г. его сатира на верхушку советского общества «Сказание о синей мухе» начала распространяться в списках среди интеллигенции Москвы и Ленинграда. По личному распоряжению Хрущева, выведенного в «Сказании» под именем Апостола, В. Я. Тарсис был помещен в сумасшедший дом. Через семь месяцев его под давлением писателей и общественных деятелей Запада освободили. В. Я. Тарсис бросил власти новый вызов — «Палату № 7», повесть, в которой нет ни одного вымышленного лица, ни одного придуманного высказывания. Действующие лица повести «Палата № 7» — подлинные, живые люди, продолжающие вести борьбу против коммунистического режима в России.

«Палата № 7» с биографией и портретом писателя и с особым предисловием, которое В. Я. Тарсис написал для этого первого издания повести, выходит в издательстве «Посев». Коленкорный переплет с золотым тиснением. Суперобложка художника А. В. Русака.

Цена НМ 17.— или \$ 4.25

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»
И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСЕХ СТРАНАХ